

Содержание

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВ, ЕЛЕНА ТРУБИЛОВА

“Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?”

9

ИВАН БУНИН

“Чувствую себя очень зыбко...”

Конец	33
О Горьком.	43
“Пресловутая свинья”	45
“Многогранность”	51
Несколько слов английскому писателю.	55
Чехи и эсеры	65
Самогонка и шампанское.	70
О писательских обязанностях.	76
“Дым без отечества”	81
Об Эйфелевой башне	86
“Страна неограниченных возможностей”	89
Безумный художник.	95
Косцы	105
О дураке Емеле, какой вышел всех умнее	111
С новым годом	119
Итоги	120
Великая потеря	126
“Толубь мира”	128
Литературные заметки	130
Миссия русской эмиграции (<i>Речь, произнесенная в Париже 16 февраля</i>)	133
Июния и Китеж. К 50-летию со дня смерти гр. А.К. Толстого	145

Российская человечина	161
Notre-Dame de la Garde	169
Софийский звон	175
Думая о Пушкине	177
К воспоминаниям о Толстом	186
“Своими путями”	189
“Версты”	192
О новой орфографии. <i>Письмо в редакцию</i>	197
“Большие пузыри”	199
“Безграмотная ерунда”	202
Джером Джером	207
Самородки	210
Чехов	217
Конец Мопассана	229
На поучение молодым писателям	238
Леонид Зуров	243
Заметки <19 сентября 1929 г.>	244
Из записной книжки	256
Странствия	258
Из книги “Серп и молот”	278
Петр Александров	289
Заметки <7 января 1932 г.>	297
Записи <6 марта 1932 г.>	306
Записи <10 июля 1932 г.>	315
Памяти Ивана Савина	323
О Волошине	326
Записи <7 марта 1936 г.>	337
Босоножка	348
Горький	355
Письмо в редакцию <1 ноября 1936 г.>	363
А.И. Куприн	367
Его памяти	373
О Шаляпине	379
Записная книжка	384
<23 января 1926 г.>	384
<13 февраля 1926 г.>	391
<1 апреля 1926 г.>	395

<3 июля 1926 г.>	399
<17 октября 1926 г.>	405
<28 октября 1926 г.>	409
<13 февраля 1927 г.>	417
<26 мая 1927 г.>	420
<17 мая 1930 г.>	422
<24 мая 1930 г.>	427
О Горьком <31 мая 1930 г.>	430
Ленотровский цикл	434
<Сен-Жюст> (Из “Окаянных дней”)	434
<Кутон> (Из “Окаянных дней”)	439
Андре Шенье	442
Камилл Демулен	447
Человек, который умер от страха	453
Суета сует	459

Приложение

ВОСПОМИНАНИЯ О БУНИНЕ

ГЛЕБ АЛЕКСЕЕВ Ив. Бунин	465
ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН Моя первая встреча с Буниным	469
ВЛАДИМИР ЗЕНЗИНОВ Иван Алексеевич Бунин	473
БОРИС ПАНТЕЛЕЙМОНОВ Встречи со старыми писателями (фрагмент)	489

КОММЕНТАРИИ

497

Именной указатель

575

“Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?”

В 1953 году в нью-йоркском Издательстве имени Чехова вышел последний прижизненный сборник Ивана Алексеевича Бунина — “Весной, в Иудее. Роза Иерихона”. В качестве предисловия в нем были помещены отрывки из “Автобиографических заметок” — отрывки, в которых подводились краткие жизненные и творческие итоги.

Бунин рассказывал о старом дворянском роде, из которого он происходил, о том, как он начал писать и печататься, о премии имени Пушкина и избрании почетным членом Академии наук, о своих книгах и путешествиях. И о том, как он оказался в эмиграции:

“Но тут разразилась война, а затем революция. Я был не из тех, кто был ею застигнут врасплох, для кого ее размеры и зверства были неожиданностью, но все же действительность превзошла все мои ожидания: во что вскоре превратилась русская революция, не поймет никто, ее не видевший. Зрелище это было сплошным ужасом для всякого, кто не утратил образа и подобия Божия, и из России, после захвата власти Лениным, бежали сотни тысяч людей, имевших малейшую возможность бежать...”*

В книге, которая перед вами, — произведения Бунина, написанные после его отъезда из России. Разумеется, не все — для этого понадобился бы не один том. Здесь нет стихотворений, почти нет художественной прозы — основу сборника составили публицистика и мемуары. Среди включенных в книгу произведений есть и очень известные — “Инония и Китеж”, “Миссия русской эмиграции”, и те, что практически не переиздавались с тех пор, как были впервые собраны для книги “Публицистика” И.А. Бунина**. Тогда, в 1998 году, перед нами стояла задача максимально полно представить творческое наследие Бунина, ведь пре-

* Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. С. 8–9.

** Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова, вступ. ст. О.Н. Михайлова, коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 1998.

где большинство очерков, статей и заметок писателя, появившихся на страницах эмигрантских газет, не печаталось на Родине.

В этой книге важнее показать, как менялся Бунин в эмиграции. Как он стал сначала одним из самых ярких публицистов русского зарубежья, хотя до революции практически не выступал в газетах на актуальные темы. И как потом это публицистическое начало перестало быть доминантой, но по-прежнему сохранялось в его творчестве, в частности в мемуаристике, потому что вспоминал Бунин главным образом о России — а писать бесстрастно о том, что произошло с родной страной, он не мог и не хотел.

Название сборника — “Чувствую себя очень зыбко” — цитата из воспоминаний Бунина о том, как он получал Нобелевскую премию. Слова эти относятся к конкретному моменту даже не жизни — определенного дня, 10 декабря 1933 года, когда Бунину с утра предстояло ехать на кладбище возлагать венок на могилу Альфреда Нобеля, а вечером — произносить лауреатскую речь на Нобелевской церемонии. Но эта зыбкость морозного северного утра отражает и зыбкость писательской славы, и зыбкость эмигрантского существования, и зыбкость человеческой жизни вообще; зыбкость “великого, давшего на всех поприщах истинных гениев не меньше Англии” русского народа, о которой Бунин напоминал в статье 1920 года “Несколько слов английскому писателю”, и “зыбкость окружающего нас”, о которой он писал 1 января 1922 года в обращении “С Новым годом”.

Не объединенные в циклы произведения печатаются в книге в хронологическом порядке — по датам публикации, за исключением одного — рассказа “Конец”, которым открывается сборник. Переживания человека, покидающего Родину, — отражение переживаний самого Бунина, воспоминаний о том, что чувствовал он сам, когда отплывал с женой из Одессы, в которую входили большевики. 25 января (7 февраля) 1920 года французский пароход отошел от пристани и встал на внешнем рейде, а 27 января (9 февраля) вышел в открытое море, взяв курс на Константинополь.

В первоначальном варианте, включенном в настоящий сборник, рассказ завершается восклицанием: “Конец, конец!” Затем Бунин изменил, расширил финал. Новые завершающие строки передают уже чувства человека, не просто вынужденного бежать из родной страны, но сознающего, что оставляет ее, возможно, навсегда: “Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так вот оно что — я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России — конец

да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! Только как же это я не понимал, не понял этого раньше?”

Бунин оказывается во Франции в конце марта 1920 года и практически сразу становится одной из ключевых фигур в эмиграции — писатель, к голосу которого должна прислушиваться иностранная аудитория, человек, способный своим авторитетом объединить спорящих, а то и враждующих между собой противников большевиков.

Уже 12 мая состоялось его первое публичное выступление в Париже: в *Salle de sociétés savantes* Бунин читает лекцию о русской революции. 10 июля на организационном собрании Союза русских литераторов и журналистов в Париже Бунин входит в состав временного правления, а затем его выбирают председателем Союза. Принимает Бунин активное участие и в создании русского издательства в Париже.

Первые месяцы пребывания во Франции приходится уделять много времени не только общественным делам, но и устройству своей жизни, бытовой и финансовой ее стороне. Спустя полгода в эмигрантской прессе начинают появляться публицистические выступления Бунина, и каждый из его очерков становится событием. В них раскрывается страстный, нетерпимый, желчный, громящий, бескомпромиссный Бунин и — Бунин тонкий, артистичный, умеющий иронично подметить нелепое в страшном и разрушить тем его морок.

Своей задачей как писателя и как гражданина Бунин видит борьбу с большевиками и большевистской пропагандой, с теми, кто выступал на стороне советской власти или недостаточно, с точки зрения Бунина, ее осуждал. Он не занимается собственно политикой, предоставляя это профессиональным общественным деятелям, благо к тому времени их в эмиграции уже было немало. Он не может повлиять на ход военного противостояния белых и красных, не пишет о боевых действиях, хотя осенью 1920 года происходят решающие события в Крыму. Но Бунин безупречно владеет словом — и сражается этим словом с теми, кто пользуется тем же оружием, — писателями и журналистами, которые либо открыто встали на сторону советской власти, либо поддерживают ее косвенно.

Бытование литературы в эмиграции существенно отличалось от того, что было прежде в России и затем в Советском Союзе. Разные города, разные страны, чаще недолговечные и малотиражные периодические

издания, новые поколения, вырастающие совершенно в разных условиях в Европе, Азии, Америке, Африке...

До революции опубликованные, к примеру, в московской газете "Русское слово" статья, рассказ или стихотворение сразу становились известны миллионам читателей по всей стране, самые значимые переиздавались в сборниках и спустя годы продолжали читаться, поскольку их по-прежнему можно было купить или найти в библиотеках. Напечатанные в начале 1920-х годов в берлинском "Руле", пражских "Огнях", парижском "Общем деле", гельсингфорсской "Новой русской жизни" статьи и очерки Бунина успевали прочесть те, у кого был доступ к этим газетам, — не миллионы, а лишь тысячи, в лучшем случае десятки тысяч. За пределами страны, где газета выходила, ее читали уже не десятки тысяч — а просто десятки эмигрантов. Через несколько месяцев, тем более через несколько лет, газету вообще уже невозможно достать. Но для Бунина важно, чтобы его слово услышали и те, кто жил в других странах, и те, кто был моложе или оказался в эмиграции позже.

"Ораторских способностей у Бунина не было никаких, — вспоминает Георгий Адамович. — Бунин вовсе не был красноречив. Но когда он бывал «в ударе», был более или менее здоров, когда вокруг были друзья, его юмористические воспоминания, наблюдения, замечания, подражания, шутки, сравнения превращались в подлинный словесный фейерверк. Он был не менее талантлив в устных рассказах, чем в писаниях, — в этом утверждении нет ни малейшего преувеличения. Слушая Бунина, я понял, почему больной хмурый Чехов ходил за ним в Крым чуть ли не по пятам. Перед Толстым Бунин благоговел и робел, перед Чеховым давал себе волю, и, вероятно, в молодости его разговорный и имитаторский дар был так же удивителен, каким остался до глубокой старости. В беседе с глазу на глаз он держался гораздо более сдержанно. Ему нужна была аудитория, хотя бы самая маленькая, в два-три человека, и тогда он расцветал, тогда бывал неутомим и, казалось, сам наслаждался портретами и карикатурами, которые рисовал". А каждая новая газетная публикация помогала Бунину расширить аудиторию, достучаться даже до тех, кто придерживался иных взглядов, ведь эмигрантские периодические издания проводили разные идеологические линии.

Бунин начинает вести ожесточенную борьбу с теми, кого считает предателями Родины и русской культуры, с теми, кто пошел на службу

* Адамович Г. Бунин. Воспоминания // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / сост., предисл. и коммент. В. Крейда. М.: Республика, 1994. С. 14.

к большевикам или просто им “сочувствует”, с “новыми советскими” писателями и с готовыми примириться хоть с чем-то “советским” эмигрантами.

Главной мишенью публицистических выступлений самого значительного писателя русского зарубежья становится самый значительный писатель из числа тех, кто, по мнению Бунина, поддерживал большевиков, — Горький.

Первый публицистический очерк Бунина, напечатанный в парижской газете “Общее дело” 24 сентября 1920 года, так и называется — “О Горьком”. Он построен на цитатах, но, приводя фрагменты из текстов Горького, Бунин не стремится к особой точности. Бунинский пафос — в противостоянии разрушительной, с его точки зрения, агитации Горького в пользу большевиков. Споря с Горьким, он борется прежде всего именно с ними.

К полемике с Горьким Бунин на протяжении нескольких лет затем возвращается постоянно. И уже во второй публикации 1920 года — открытом письме редактору газеты “Times” “Суп из человеческих пальцев” — противостояние двух великих писателей превращается в противостояние двух литератур — русской и советской. В лагере Бунина и заодно с ним — “прочие русские писатели”, в одном ряду с Горьким — “новые «советские» писатели, эти поистине сказочные сверхнегодяи”. А еще рядом с Горьким английская литературная знаменитость — Герберт Уэллс. Это связано с той ролью, которую Уэллс играл осенью 1920 года в ситуации вокруг возможного признания международным сообществом новой власти в России.

Отвечая своим открытым письмом на открытое письмо Горького Уэллсу, Бунин подчеркивает свое право говорить от имени России: “Мне, тоже русскому писателю, и Божией милостью не последнему сыну своей родины, не менее Горького знающему и любящему ее, письмо это *все-таки* не импонирует и делает некоторую крупную неловкость перед «дорогим Уэллсом»”. Открытое письмо Бунина превращается в обвинительное заключение.

Пока англичанин выступал просто в роли адресата писем Горького, Бунин ограничивался саркастическими выпадами, указывающими, что Уэллса, как и многих других, используют в целях большевистской пропаганды. Однако после того, как Уэллс начинает сам защищать большевиков, Бунин вступает и с ним в прямую полемику. 24 и 25 ноября

* Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 65.

“Общее дело” публикует большую статью Бунина “Несколько слов английскому писателю”.

Поездка Уэллса в Советскую Россию по приглашению Л.Б. Каменева привлекла внимание многих европейцев, которые получили возможность узнать о жизни страны не из информационных сводок, полемических статей и газетных передовиц, не из выступлений политиков, а из уст одного из самых авторитетных писателей в мире. Эмигранты же были убеждены, что Уэллс увидит лишь то, что ему захотят продемонстрировать.

Уэллс прибыл в Россию в конце сентября 1920 года. В Петрограде он жил в квартире Горького, город ему показывали Корней Чуковский в качестве гида и Мария Будберг как переводчица. С 4 по 6 октября Уэллс находился в Москве, где встречался с Лениным. А 31 октября английская газета “Sunday Express” начала публиковать серию статей о поездке. У большей части русских эмигрантов возмущение вызвала позиция Уэллса, считавшего, что в увиденной им разрухе виноват не коммунизм, а европейский империализм, и что единственно возможное в настоящее время в России правительство — правительство советское, которое выдвигает объединяющую идею.

По мнению Бунина, Уэллс выступает в статьях о России как турист из “цивилизованного” государства, приехавший в страну дикарей и изучающий ее с точки зрения путешественника, которого интересуют диковинные поступки и обычаи, даже если это обычаи людоедские. Стремящийся предстать в своих заметках “мудрым и всезнающим”, Уэллс с “бессердечной элегичностью” тона повествует об увиденном в Советской России, не чувствуя и не пытаясь почувствовать того, что испытывают “узники той людоедской темницы”, куда “непонятно легко для этих узников прогулялся он, «свободный, независимый» гражданин мира”.

Свои чувства Бунин описывает совсем иначе нежели когда говорит о Горьком. Услышанное возмущает его, “писателя русского, до глубины души”, но в первую очередь Бунину “стыдно” за Уэллса. Эта реакция подчеркивает не только сарказм определений “мудрый и всезнающий”, но и подтекст вынесенной в название формулы “английский писатель”. Английскому писателю-туристу, выступающему в роли стороннего наблюдателя, противопоставляется писатель русский, душа которого болит за происходящее в родной стране.

Казалось бы, статья Бунина об Уэллсе композиционно выглядит привычным для его публицистики образом: он использует цитаты, вы-

делает курсивом то, что задело его больше всего. И все же полемика с Уэллсом ведется не так, как с Горьким.

Бунин и Горький — оба писали о своей стране, своем народе, своей культуре, оба пережили и переживали происходящее, и, соответственно, оба имели право на оценочные суждения. Именно поэтому Бунину важно было не просто противопоставить свои высказывания горьковским: он строит текст так, что оппонент словно спорит сам с собой.

В статьях, очерках, заметках, написанных в эмиграции, Бунин много цитирует — иногда себя, но чаще других. Кого-то — чтобы вызвать у читателей восхищение, кого-то — чтобы вызвать отвращение. Среди первых — Пушкин, Алексей Константинович Толстой, Чехов. Список писателей, против которых выступает Бунин, можно продолжать и продолжать: Горький, Есенин, Маяковский, Мариенгоф, Ремизов, Цветаева, Андрей Белый, Бабель, Артем Веселый, Пастернак, Луначарский... В нем не только оставшиеся в Советской России, перешедшие, по мнению Бунина, на службу к большевикам, но и эмигранты. Бунин эмоционален, пристрастен и — вовлечен в борьбу. Это борьба и политическая, и эстетическая, и нравственная.

Бунин читает и то, что издается в СССР и попадает за границу, и то из советской литературы, что перепечатывается эмигрантскими изданиями. Читает очень въедливо — отсюда и многочисленные цитаты. Он не может пройти мимо слов, вызвавших его возмущение, не может не ответить тем, кто, как он считает, оскорбляет родину, веру, людей, тем, кто лжет, кощунствует. В своей публицистике, в мемуарных очерках Бунин нередко повторяется, возвращается к уже когда-то сказанному. Но смысл повторения — в значимости и важности для автора того, что он повторяет.

“Молодых” эмигрантов Бунин критикует так же резко, как и советских писателей, — и часто за то же самое. Достаточно новой орфографии, чтобы напечатанный текст стал для него неприемлем. Он возмущенно называет эту орфографию “заборной” и отказывается принимать “уже хотя бы потому, что по ней написано за эти десять лет все самое низкое, подлое, злое, лживое, что только есть на земле” (Записная книжка // Возрождение. 1926. 28 октября).

С не меньшей страстностью Бунин относится к вопросам языка и стиля. Как вспоминает Георгий Адамович:

“Однажды, отвечая Ивану Алексеевичу на вопрос, из-за чего поссорились два молодых парижских поэта, я сказал:

— Недоразумение у них произошло на почве...